

Любов ВАСИЛЕВСЬКА

Любов Миколаївна Василевська народилася 6 червня 1954 року в Красноярському краї. Там закінчила школу, педагогічне училище. Вищу освіту здобула в Казахстані (Джамбульський пединститут). Трудовий шлях розпочала на Нововоронезькій АЕС. З 1981 року в Україні, працює на ЧАЕС. Нині — завідувач відділу народної творчості БК "Енергія".

Затерянный в ночи автобус мчится,
Полоской света вспарывая тьму.
И тишина испуганною птицей
Взлетает и садится за версту.

Дорожные утихли разговоры.
На ветки опустился чуткий сон.
Натужный голос хриплого мотора
Мелодии выводит в унисон.

Всплывает месяц желтой долькой дыни,
Исходит теплым маревом земля.
И частоколом вертикальных линий
Мелькают вдоль дороги тополя.

И в этой бесконечности движенья
Вдруг обнажится явственная суть,
В которой скрыто дней моих течение,
Мой пройденный и предстоящий путь.

ПРИПЯТИ

Да, годы убегают, как вода,
Что обнимает руслом белый город.
Хозяйкой полноправною беда
В нем поселилась прочно и надолго.
А мы изгой на земле родной,
Нас против воли разнесло по свету.
И пепел в почве поливай любой,
Не прорастет — и в этом нет секрета.

Мой город! Слыть тебе столицей тишины,
Твой сон хранят блюстители стальные.
И сколько б солнце не сменяло свет луны
Ты будешь связан, скован летаргией.
Носить мы будем в сердце образ твой,
Лик белой птицы в острой черной клетке.
Пока мы помним, будешь ты, родной,
Рождаться вновь, как лист апрельской ветки...

КОРАБЛИ

На рейде корабли стоят, как для парада,
Последний раз волна подхватит, как награда.
Три года о волне вы по ночам мечтали,
И вот теперь опять вы кораблями стали.

Вы укрывали от мороза и от зноя летом,
Когда с бедой мы бились целым светом,
Когда броней вставляли все и каждый лично,
Названия республик на борту звучали символично.

Теперь вам предстоит последний путь печальный,
И нам сердца щемит гудок, гудок прощальный.
Огонь печи пусть вас обнимает жаром.
Вы жили для людей, и жизнь прошла не даром...
Якорь, 1989 г.

Скажи, судьба, какое платье
Ты надеваешь в судный день?
Что говорят в тот день особый —
Крамолу или дребедень?

Как сделать, чтобы полы платья
Остались чисты и белы?
Идти ль по тонкой узкой дамбе
Меж морем счастья и беды?

Она узка и ненадежна,
Ее черты — мираж в ночи...
И как, ступая осторожно,
Ни ног, ни платья не мочить?

Висят в углу два разных платья:
Одно бело, как божий день,
Другое черным покрывалом
Тебя накроет, словно тень.

И зная, что есть два лишь цвета,
Ты их не сможешь предсказать...
В каком из них судьба предстанет —
Нам не дано предугадать...

ФОТОГРАФИЯ

На коленях стою не пред иконою.
Предо мной фотография белого города.
И зияют окна пустыми глазницами...
Боже! Как же смогли так опуститься мы?

До сих пор называем себя “припятчанами”.
И живем до сих пор лишь печалью мы.
Дружбу крепкую водим мы лишь с врачами,
А кому-то кажемся лишь рвачами.

Оттеснила нас жизнь на обочину.
Век скитаться душе напороочила.
Мы изгой клейменные атомом,
У него мы на службе солдатами.

Пусть колени мои занемеют,
Кроме Припяти, что я имею?
И когда я свихнусь от утраты
Вы запомните номер палаты...

ПОЭТУ

Шагаю по земле я неприкаянно,
Где ложь и войны, слезы, грязь и кровь,
И где поэт упорно и отчаянно
Вновь говорит, что нас спасет любовь.

Всегда была я рядом, но неузнана.
Я муза — во плоти и во крови.
Я видела, как страсти он обуздывал,
Страдал, но все же эту жизнь любил.

Когда мы встретились, мы были молоды.
С ним рядом я была и буду вновь.
Он МАСТЕР, не был никогда он Воландом.
Он Маргариту славил и любовь.

Нет у поэта возраста и старости.
Наступит вечер иль придет рассвет,
Не оскудеет пусть родник любви и радости.
И вечно будут рядом МУЗА и ПОЭТ.

СЛОВА

Как легко мы бросаем слова
Обвинений, похвал, объяснений.
От иных не болит голова,
От иных закружит каруселью.
Обесценилось слово у нас.
Стало просто сигнальной системой.

Прячем чувства свои про запас,
Ограждаясь словесной диллемой.
Говорим, говорим, говорим,
Уверяем других, обещаем,
И в костре этом сами горим,
Сами масла в огонь подливаем.
Как легко мы бросаем слова,
Старых истин забыв поученье,
Слово — жемчуг, не просто молва,
Чем сердечнее — тем ценнее.
Как созвучны по рифме, по смыслу
Два глагола: дарить, говорить.
Это просто начать, поразмыслив,
Говорить, будто жемчуг дарить.

Хотела бы снова вернуться я в лето...
Да только скажи мне: возможно ли это?
Хотела бы снова спросить я кукушку,
Что села на дерево, выбрав верхушку:

“Скажи мне скорее, залетная птица,
Что ждет — пьедестал или смертная плаха?”
Но молча на ветке кукушка сидела
И тайны своей мне открыть не хотела.

И я поняла, что самой мне решать:
Сдаваться без боя иль насмерть стоять,
Идти подневольно у жизни в опале
Иль твердо стоять, как на пьедестале!

Я могу посвятить тебе тысячи строк,
Я могу говорить с тобой, кажется, вечно.
Только стрелки бегут, отмеряя наш срок,
Круговерть временная, она бесконечна.

Мы в тисках суеты, нам спешить суждено,
И условности нас сторожат часовыми.
За мельканием дел разглядеть мудроно
Встречу главную, меж рядовыми.

Но, увидев однажды, ты тотчас поймешь,
Что явилась она и менять что-то поздно...
Не свернешь, не уедешь и прочь не уйдешь,
Только с нею светло тебе, радостно, звездно...

Как огромный шарик воздушный,
Голубая планета летит.
И несут ее сильные руки
Через тернии в звездный зенит.
Ясным кажется синее небо,
Реки, горы, поля, ледники.
Все сверкает алмазным отливом,
Чистой капле весенней сродни.
Мы живем на летящей планете,
Строим фабрики, города.
Как хотелось, чтоб все поколения
Лишь озоном дышали всегда.
В чистых реках пусть водится рыба,
Дети скачут в зеленой траве.
Будеть вечною жизнь без надрыва
В нашем доме, на нашей земле.
Как огромный шарик воздушный,
Голубая планета летит.
Пусть же каждый ее в полете
Сохранит, для нас сохранит.

Деревья к осени “седеют”:
Всему приходит свой черед...
Наверно, и ко мне придет
Седая осень. Не сумеют
Года оставить все, как есть,
И старость подойдет, как месть
За мое доброе и злое...
Виски покроет сединою,
Морщинок легкую вуаль
Накинет на лицо... Как жаль —
Жизнь коротка, как эта осень,
И подождать уж не упросишь.
Она пришла, стоит безмолвно,
Судьба. Судья, хоть и условный.
Она итог того пути,
Что мне пришлось уже пройти.

Осень — рыжая цыганка.
И судьба моя, и жизнь.
Разложила на полянке,
Словно карты, желтый лист.
Многоцветна, многолика,
То грустна, то весела,
То боса, то в шелке с шиком,
То в шатре, то без угла.
Засмеялась, зазвенела,
Закружила подолом,
Застеснялась, покраснела
И умчалась босиком.
Снялся табор, мчит по ветру
Леса сброшенный покров,
И деревья на рассвете,
Как каркасы от шатров...

Деревья к осени “седеют”:
Всему приходит свой черед...
Наверно, и ко мне придет
Седая осень. Не сумеют
Года оставить все, как есть,
И старость подойдет, как месть
За мое доброе и злое...
Виски покроет сединою,
Морщинок легкую вуаль
Накинёт на лицо... Как жаль —
Жизнь коротка, как эта осень,
И подождать уж не упросишь.
Она пришла, стоит безмолвно,
Судьба. Судья, хоть и условный.
Она итог того пути,
Что мне пришлось уже пройти.

Осень — рыжая цыганка.
И судьба моя, и жизнь.
Разложила на полянке,
Словно карты, желтый лист.

Многоцветна, многолика,
То грустна, то весела,
То боса, то в шелке с шиком,
То в шатре, то без угла.

Засмеялась, зазвенела,
Закружила подолом,
Застеснялась, покраснела
И умчалась босиком.

Снялся табор, мчит по ветру
Леса сброшенный покров,
И деревья на рассвете,
Как каркасы от шатров...

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Дождь осенний настырно полощет
Серый холст полинявших ветвей.
Покрывая блестящую площадь
Конопushками пузырей.

Стоя в лужах босыми ногами,
Словно руки раскинув вразлет,
Липы тянутся к небу ветвями,
Птичий клин провожая в полет.

И нахохленной мокрою птицей
На площадке сидит "шапито".
И ему бы на юг устремиться,
Доказав с журавлями родство.

Но канаты к земле прижимают,
И усилий потерянных жаль...
Дождь слезой по афише стекает,
Превращая улыбку в печаль.

ОСЕННИЙ БАЛ

Рыжая красавица, хохоча игриво,
Лес заморозила — мимо не пройдешь,
Разметала волосы — золотую гриву, —
Да надела с кленами макси юбку-клешь.
И сентябрь щедрую ей устроил встречу,
Будто королеву возводя на трон.
Ни дождю, ни ветру не велел перечить
Петь одни лишь здравницы под хрустальный звон.
Звонко протрубили журавли-горнисты,
Юной королевы разнося указ.
На груди березок вспыхнули монисты
Листьев золотистых, будто напоказ.
Добрую хозяйкой осень потрудилась,
Словно затевая яркий, пышный бал.
В стройные колонны ели превратила,
А поляну светлую — в танцевальный зал.
И совсем не долго будет бал кружиться,
И совсем не долги эти торжества,
И в ковер багряный скоро превратится
Ветром после бала сбитая листва.

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Нежно, пугливо, замедлив паденье,
Ласковой шалью на землю ложится,
В первое утро, утро весеннее
Падает снег и как-будто стыдится.
То ли того, что явился непрошенным,
То ли того, что ни дождь он, ни град.
Вместо проталин в саду запорошенном
Снова сугробы построились в ряд.
Нежность его больше сердце не радует.
Да и земля этой лаской пресыщена.
Вот и стыдится, а все-таки падает,
Будто земля этим будет очищена.

КАРУСЕЛЬ

И вот опять остался чистым лист...
Не потому, что нечего писать, —
Наоборот, день так речист,
Что устаешь события листать.

И нервно крутишь ручку — все не так!
Гоняешь, словно мух, мыслишек рой.
Не находя ответа, как же, как
И сделать, и увидеть жизнь другой?

Остановить бы эту карусель,
Бездумно колесу не дать вертеться,
Увидеть вдруг, что за окном апрель,
В глаза весны влюбленно засмотреться.

У вдохновенья редок щедрый час,
Еще душа томится в полусне,
Закрыта дверь, что не пускает нас
Навстречу юной, трепетной весне.

Но вспыхнет луч, расплавится засов,
Утонет день в весеннем половодье...
Теперь быстрее пиши, сюжет готов.
И тает на глазах пера бесплодые.

ПРОГУЛКА

Я сижу за рулем, встречный ветер струится.
То теплом обдает, то прохладною веет волной,
А машины летят, обгоняя прохожих со свистом,
И сигналият, меня приглашая с собой.

И без зависти я их вперед пропускаю,
У меня свой секрет — две педали. Крути да крути!
И дорога шуршит, будто книга открыта большая,
Чудеса обещаая и встречи на этом пути.

Шарф крылом за плечами, лечу к повороту.
Наклоняясь, рулем достаю облака и цветы.
Расступается лес, растворив золотые ворота,
Где пришпилено небо платком голубым.

И надолго запомнится эта картина,
Будто это и вправду приветливый дом.
Знаком “стоп” у поляны висит паутина,
И дорожка покрыта цветастым ковром.

Солнце низко зарделось в вечернем убранстве,
Отдавая последние краски лучу,
Будто в гости спешу и хочу поскорее добраться,
Я с усердьем педали кручу и кручу, и кручу...

Невозможно пыл унять
Под гармонии звуки,
Коль плясать, себя сжигать,
Плыть раскинув руки.
Пляска — русская душа, —
Ты открыта многим.
В круг лишь выйдешь не спеша,
Не удержишь ноги.
На плече алеет шаль,
Юбка до колена,
Мне рок-музыки не жаль,
Ускользнув из плена,
В пляске только вспомню я
Древнее начало,
И прабабушка моя
Так же вот плясала!
Руки в боки, бровь дугой,
Дыбится юбченка...
Где, в какой стране другой,
Пляшет так девченка?

А сердце, как плененный зверь,
Опять в чужой томится клетке,
Но заперта надежно дверь,
И шорохи извне так редки.

Его пытались спеленать
Корили, усыкали нещадно.
Урок пытались преподать,
Что быть свободным так накладно.

На сотни маленьких частей
Оно рвалась в пылу атаки,
А то скулило у дверей
С тоской в глазах, как у собаки.

Каким бы жалким и больным
Оно в неволе ни казалось,
Но с ветром свежим и шальным
Оно ушло, лишь клеть осталась.

Да, гора крутою не была,
Но мешал тебе идти песок
Да еще та ноша, что мила,
Та, что, наконец-то, ты нашел.

Белой кипелью сирень цвела.
Ночь парным поила молоком.
И дорога за город вела,
На старик, за Припять прямоком.

Да, гора крутою не была.
Ты ее прекрасно покорил.
Пред тобой, раскинув два крыла,
Город птицей белою парил.

Ты стоял на острове из звезд,
Гордости и счастья не тая,
И с тобой стояла рядом я —
Ноша драгоценная твоя...

Уж просит палач прощенья,
Монетку из рук берет,
И взмахом судьбы отмщенья
Топор начинает полет.

Его траектория четка,
И будет мгновенен круг.
И жизнь, как гаданье на четках,
Закончится сразу и вдруг.

Палач, я тебе благодарна
За твердость руки и глаз.
За то, что крапленою картой
Вся жизнь оказалась для нас.

За то, что работа бывает
Жестокой, но нужной такой...
И птицею жизнь отлетает
В мир лучший, а, значит, иной.

Возьми же, палач, монету,
Прости мне земной мой грех,
И кару вселенскую эту
Одной мне пошли за всех...

ГРУСТЬ-РЯБИНА

Грусть, как веточка рябины,
На плечо ко мне легла.
Я любимому мужчине
Много слов сказать могла.
Но слова я заменила
Тихим взглядом серых глаз,
Чувство бережно прикрыла
Смелой дерзостью проказ.
Я улыбкой разукрашу
То, что видится другим,
А ему оставлю наше,
Что нам видится одним.
Вновь наступит тихий вечер,
С ним тревожных мыслей рой.
Пусть наградой будет встреча,
Остальное — мне одной.
Грусть, как веточка рябины,
Привлекательна, красна,
А раскусишь, так полынным
Вкусом ягода полна.

СОН

Окно. Палата. Больница.
Тревога во всей тишине.
И пойманой бьюсь я птицей,
Ни звука, ни света извне.
Четыре шага вдоль стенки,
Четыре шага поперек.
И подбивает коленки
В чьих-то глазах упрек.
Шнур с потолка петлею,
Ампулы — пулями в ряд.
А я говорю с тобою
И час, и другой подряд.
А я говорю: "... любила".
Будто уже нежива.
А я говорю: "Не забыла
Голос твой и слова".
И снова окно, палата...
Мне душно и я кричу:
"Не может быть жизнь оплатой,
Нет... не хочу... не хочу!"
Но тут же все резко стихает,
Будто прошла гроза,
И, бреда слезу вытирая,
Я вдруг открываю глаза...

Я Богу благодарна и тебе
За эту встречу, что была прекрасна.
Судьба свела нас вместе не напрасно,
Пусть искрою мгновенной, но во мне
Она сверкнула и тотчас погасла.

И много темных и дождливых дней
Я буду жить ее теплом согрета.
И, у судьбы не требуя ответа,
Вновь суждено ль соприкоснуться с ней?
Какую цену заплатив за это?..

Я Богу благодарна и тебе
За миг, что счастьем у людей зовется.
И не всегда, не всем оно дается,
Но коли сохранил его в себе,
Оно вернется, навсегда вернется!

Все лучшее уже случилось,
И ждать чего-то смысла нет.
А жизнь сквозь пальцы просочилась,
Как горсть накопленных монет.

Они просыпались со звоном
Минувших лет, прошедших бед,
И в опустевших вдруг ладонях
Остался слабый лунный свет.

Пастель нечаянных свиданий,
Забытых фраз, ненужных встреч,
И горечь быстрых расставаний,
Песок несбывшихся надежд...

Ворованного счастья не бывает...
У самого себя непросто красть...
И как же жизнью упиваться всласть,
Когда тебя всего внутри снедает
Любви и зависти шальная страсть.

О, как сладки мгновения любви!
Они чаруют, мучат, окрыляют...
Ты думаешь, так в жизни не бывает,
Родство такое месят на крови,
И лишь разлука это убивает.

Ворованного счастья не бывает...
Не захочу себя я обокрасть,
Порву любви капроновую снасть
И с нею жизнь, как кровь, пусть убывает...
Уж лучше смерть, чем у себя же красть.
Другого счастья, кроме счастья, — не бывает...

А встреча была нечаянной,
Безумной и странной такой.
В объятья толкнуло отчаянье,
Любовь же бывает другой.

Нас ночь закружила негаданно,
Нам негу даря и покой,
Не знали с тобой мы, а надолго ль?
Любовь же бывает другой.

Ладони покрыв поцелуями,
Шептал мне слова вразнобой.
И знать бы во сне, наяву ли я,
Любовь же бывает другой.

Тебя провожу я, в неведеньи
Застынет ретивая кровь.
Как трудно расстаться! Поверить ли?..
О, Боже, ведь это любовь!..

ЛУННЫЙ ДЕНЬ

Нет, то была не ночь...
Это сиял лунный день.
И уходили прочь
Наши проблемы, как тень.
Мы не решали диллем:
Быть нам или не быть?
Бросив окурок проблем,
Просто хотелось жить.
Просто хотелось пить
Влагу ночи. И в тот час
Просто хотелось петь
И знать — все это для нас!
Магия лунного дня
Пусть возродит мечты,
И пусть колдовство огня
В нас разожжет костры.
Льдинки кусочек шальной
Капнет росинкой из глаз,
Жизнь, как родник живой,
Снова проснется в нас.
И для любви земной
Снова расчистит путь,
И унесет нас с тобой...
Пусть это будет, пусть!..

Я болею, тобою болею
Безнадежно и очень давно.
Не жалею, ничуть не жалею,
Что носить эту боль суждено.
И что память, как свежая рана,
Кровоточит во мне и саднит,
Даже самым искусным обманом
Не могу эту боль умалить.
Нет надежды найти исцеленье,
Нет бальзама врачующих слов.
Только память в висках иступленьем
И тревога удушливых снов.

Уходишь?.. Уходи! Счастливый путь!
Я умереть тебе не обещаю.
Любовь хранить тебе не завещаю.
И имя, попрошу, мое забудь!

Все... нет меня. Ты в сердце не таишь
Ни скорбь, ни тайные надежды,
Как старые и ветхие одежды.
Пылится память в закоулках ниш.

“Голубушка, любимая, любовь” —
Ты говоришь другой, меня лаская,
Мое при этом имя называя,
И против воли я воскресну вновь!

Кого благодарить за радость встречи,
Кто познакомил нас, незримо повенчал.
В уста вложил признанья речи.
Волшебник есть, волшебник тот — вокзал.
Его прохладный зал, как храма купол,
Смотрел на нас, торжественно звеня,
И первый снег незримой сеткой кутал,
Все превращая в сон, загадкой маня.
Все было, как предначертанье свыше.
Мы это знали, прочим — невдомек.
Все было сказочным — дома и крыши,
И уходящей электрички огонек.
Живет вокзал, гудит у касс привычно,
Одних встречает, провожает в путь других...
Но мы к его заботам безразличны.
Мы здесь одни, вокзал сегодня для двоих.

Я ладони свои раскрываю,
Я сегодня тебя отпускаю.
Отпускаю тебя, как синицу,
Как в силки залетевшую птицу.
Я любви своей пути снимаю,
На прощанье тебя обнимаю.
Улетай, улетай без возврата.
Будь свободным опять, как когда-то.
Не держу, не зову, не страдаю.
Я сегодня тебя отпускаю...
Только помни, что счастлива птица
Тем, что может в гнездо возвратиться.

Как золушка, я с бала убежала...
Я тфельку хрустальную спасала.
А звезды, будто свечки, потухали,
Слов сквозняки их быстро задували.
И принц несказочно ушел с другой,
Не захотел он в ночь бежать за мной.
Остался глух, а я ему кричала,
Остался слеп, хотя звезда сияла.
Не разглядел он белизны под сажей,
Свечью стало меньше — нашей.
Зачем судьба дала мне туфли эти,
Что так прекрасны только на паркете,
Что в пыльных сундуках хранятся,
А для дороги дальней не годятся?
Я эти тфельки без жалости снимаю
И босиком от принца убегаю...

Я УБЕГАЮ

Я убегаю от тебя,
        чтоб не страдать, чтоб не любить.
От мыслей убегаю, чтоб
        не вспоминать, не ворошить.
Я убегаю от врагов,
        чтоб не корили за тебя.
Я убегаю от друзей,
        чтоб не жалели все, любя.
Я убегаю от долгов —
        не отдавать, чтоб не платить.
От сплетен убегаю, чтоб
        не горевать и слез не лить.
Бегу от суеты мирской.
        Мне кажется, что я скрываюсь...
Но, чем быстрее уйду,
        тем явственнее возвращаюсь.

В ночной полусвет, полумрак
Тихо вхожу, осторожно.
Как это просто и как
Все это грустно и сложно.
Доброй волшебницей ночь
В платье чудного покроя
Чем-то мне хочет помочь,
но не приносит покоя.
Полуулыбкой она
Вдруг на губах замирает.
То оставляет без сна,
То, как младенца, качает.
Спит под щекою рука...
Тот, что до боли родной,
Брови нахмурил слегка,
Спит, мой любимый... с другой.

ОСЕНЬ

Опутели поля необъятные,
И не слышно уж голоса птиц.
Журавли мои, ненаглядные
Унеслись в туманную высь.

Распустив свои ветви, как косы,
Сбросив праздный наряд золотой,
Заступила застенчиво ива
По колено в залив ледяной.

И поник старый клен ветвями,
И глаза опустил он стыдливо.
Перед ним совершенно нагая
Расплескалась красавица ива.

А она, все забыв, рассмеялась
И, не видя страдания клена,
С молодым ветерком зашепталась,
Обнимая ветвями влюбленно.

Ну, а клен? Что же делать осталось?
Отвернулся, притих, покраснел.
Если счастье другому досталось,
На дороге он встать не посмел.

Вот и все... и осень наступила.
Осень в чувствах, осень на дворе.
Листопадом желтым закружила
И поблекла, словно в ноябре.

И теперь, уж — кутай иль не кутай, —
Не согреешь сердца своего.
Не спугнешь предательскую смуту,
Что засела слишком глубоко.

Мы не знали, что любовь стареет,
Что уходит от того, кто нем.
И как-будто светит, но не греет,
Увядая с цветом хризантем.

И на землю желтый лист опавший
Будто тихо шепчет: “Помоги...”
И последнее тепло вобравши,
Он предупреждает: “Береги...”